

**Ю.А. Цырфа**, кандидат политических наук*Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)*

**Ключевые слова:** внешнеполитическая идентичность; коллективная идентичность; конструирование идентичности; формирование идентичности актора международных отношений; дифференциация акторов; разграничение идентичностей «Я» и «Другого».

**Аннотация:** Формирование внешнеполитической идентичности акторов международных отношений является ключевым элементом процесса налаживания интеракций отдельных «Я» акторов с определенными «Другими» и их взаимного восприятия. Поскольку конструирование идентичности актора напрямую зависит от установления границ между его «Я» и внешними «Другими», вариативность и транспарентность таких границ в процессе коммуникации определяется степенью дифференциации «Я» и «Других», внутренней гомогенизацией социумов акторов, а также восприятием существующих между акторами отличий.

Активно развиваясь в рамках различных социально-гуманитарных наук еще с XIX века, в теории международных отношений концепт идентичности приобретает особое значение только в период интенсивной деколонизации стран «третьего мира» (1960-е годы), а также во время постбиполярного становления новой системы международных отношений. Первично «политика идентичности» ассоциировалась с определенного рода «утверждающей» политической практикой народов, этнических групп и отдельных меньшинств, которые становились причиной каузальных изменений в процессе разработки общегосударственных политических курсов. В эти исторические периоды повышается уровень конфликтности отношений между представителями данных групп, интересы которых сталкиваются на этническом, религиозном и национальном уровнях. Но с распадом Советского Союза и, как следствие, исчезновением с международной авансцены одного из ключевых носителей идеологических основ идентичности, национальные и этнические аспекты самоопределения приобретают черты ключевых факторов идентификации социальных групп.

Соответственно, распространение получает конструирование так называемых «коллективных идентичностей», базирующихся на чувстве принадлежности к определенной социальной группе вроде этноса или нации, базовым для которого выступает осознание группового «Мы» и, соответственно, выстраивание коллективного сознания. Последнее способствует реализации процесса определения групповой принадлежности (членства) / отстраненности индивида, в основе которого лежит восприятие общего коллективного социального проекта [1, с. 129–130].

Теоретизируя о наличии коллективной внутригрупповой идентичности в рамках отдельного государства (как социального сообщества), многие исследователи презюмируют, что в основе любого государственного образования обязательно находится отдельный социальный конструкт, однако, тем не менее, государство остается унитарным, ведь пользуется единой идентичностью [2, с. 340–343].

То есть, по своей природе внешнеполитическая идентичность государства (как ключевого актора международных отношений) является одной из разновидностей коллективной идентичности, потому эта категория может быть определена как восприятие госу-

дарства, его роли и значения в рамках мирового политического процесса со стороны его других участников, сформированное путем анализа его внешней политики как формализованной стратегии поведения в международной среде, направленной на обеспечение влияния на поведение других субъектов международных отношений и приспособление к последствиям процессов, происходящих в рамках определенной международной системы. Соответственно, механизм идентификации актора международных отношений (т. е. формирования его внешнеполитической идентичности) в рамках той или иной системы международных отношений выступает отдельным пластом исследований в теории международной политической науки.

На практике идентичность образует базовую форму единства, реализация которой и, как следствие, выявление и утверждение различий определенного «Я» возможно лишь при условии налаживания интеракционных взаимодействий с его «Другими». В этом смысле идентичность не выступает вполне самоутвердившимся феноменом, ведь в некоторой степени она определяется только с помощью существующего механизма взаимодействий «Я» – «Другой». Соответственно, идентичность не может рассматриваться как данность: она является следствием налаживания коммуникативных процессов, которые, к тому же, подвергаются постоянному обновлению. От уровня интенсивности имеющихся интеракций напрямую зависит и конвергенция определенного актора с его «Другими» или, наоборот, отстранение от них. Поскольку утверждение идентичности субъекта основывается на доказанности существования ее антипода (в лице «Другого»), выявление этого феномена становится возможным только путем создания угрозы его уникальности, которая может повредить целостность разграничительной линии «Я» – «Другой» [3, с. 300–303]. Актор в обязательном порядке определяет собственную уникальную идентичность, проводя мысленную границу отграничения своего «Я» от «Других», которые пользуются отдельным набором присущих только им различий. Социальный концепт идентичности также предусматривает существование таких границ разграничения, однако они *a priori* признаются естественными [4, с. 120].

Формирование идентичности международного актора базируется на сознательном разграничении внешнего и внутреннего ареалов существования определенной

группы, а также установлении четких границ между ними. Все перечисленные факторы конструирования идентичности могут быть задействованы только после налаживания (и постоянного динамичного развития) интеракций между представителями внутреннего и внешнего секторов существования группы. Имеющиеся границы способны обеспечить формирование и постоянство дальнейшего существования групп, организаций или иных общностей. Ведь, во-первых, уникальность явления идентичности определяется путем установления границ, которые позволяют провести линии разграничения между определенным «Я» и его «Другими», отличающимися от данного «Я» присущей им природой. Обозначая отграничения внешнего и внутреннего ареалов существования группы, эти границы определяют и форму сконструированной идентичности. По сути, они приобретают значение ключевого элемента, от которого напрямую зависит процесс формирования признаков единства и сходства в пределах определенной группы [5, с. 54].

Во-вторых, границы отграничения «Я» и «Других» служат центральным пунктом, через который отдельные акторы получают возможность налаживать процессы коммуникации и интеракций. В зависимости от сути и интенсивности данных взаимодействий, члены определенной группы могут признать собственное сходство / различие, что в дальнейшем отражается и на выработке их общего самосознания. После этого коллективная (политическая) идентичность уже может играть адресную роль в процессе налаживания коммуникативных связей или при ссылке на нее как на характеристику, присущую отдельной общественной группе. В качестве такой характеристики идентичность чаще всего используется членами коллектива, которые в процессе своей жизнедеятельности стремятся опираться на источник своей общности. Со временем механизм таких «ссылок» трансформирует имеющиеся общие черты, которые не относятся к концепту единой общности, в концептуальное понятие, расширяет рамки структуры идентичности и поддерживает образованный домен общности [3, с. 2–5].

Например, во время встречи европейских первооткрывателей с местными жителями Африки или Карибских островов в конце XVI века, им стало ясно, что цвет кожи локальных жителей визуально отличается (ведь он темнее) от цвета кожи рядового европейца. Налаживание интеракций между данными группами лиц показало, что цвет кожи европейцев является еще одним признаком их общности, которая позволяет выстроить так называемую «идентичность белого человека». Однако, белый цвет кожи, все же, не стал уникальным исключительно для представителей Европейского континента, ведь население других стран и регионов также характеризовалось наличием данного цвета кожи. Однако, очевидно, что после налаживания процесса взаимодействий с темнокожими чужаками среди европейцев утвердилось представление о наличии еще одного типа их общности (одинакового цвета кожи), который отразился на формировании обновленного самосознания. В данном случае неконцептуализированная ранее общая для данной группы физиологическая черта была добавлена в перечень факторов формирования социально-политического феномена коллективности,

что, в свою очередь, значительно расширило и понятие политико-социальной идентичности этой группы.

С другой стороны, подкрепляя относительную материальную и технологическую мощь государств континента, новое измерение интра-европейской общности укрепило представление о превосходстве европейского сообщества (в цивилизационном или даже расовом смысле), подчеркнув наличие коллективности и сформировав положительный аспект самосознания, в основу которого была заложена идея существования всеобъемлющей власти европейцев как обладателей морей или покорителей новых земель [5, с. 27–54].

Граница идентичности отдельного «Я» рассматривается также в качестве источника различия двух определенных групп со стороны внешних акторов, то есть, установления различия между индивидами отдельной группы и соответствующими «Другими». Интеракции, налаженные в процессе их коммуникации, определяют различия, которые иногда становятся свидетельством холистского восприятия групповой общности, а она, в свою очередь, является причиной формирования монологичных образцов поведения, используемых относительно других групп.

В-третьих, установленные границы способствуют конструированию структуры и установлению стабильности противоположного определенному «Я» неупорядоченного социального мира. Комплексность социальных систем, которая базируется на уникальности их членов, тесно связана с категоризацией отдельных элементов, входящих в состав таких систем (хотя, в большинстве случаев не на основе реалистских утверждений), что в итоге приводит к формированию определенного представления относительно целого. Такой подход реализуется на основе определения и фиксирования отдельных границ, сложившихся в результате взаимодействия «Я»-идентичности и ее внешних «Других». Механизм утверждения данных границ гарантирует возможность конструирования и укрепления идентичности определенного актора. Более того, развитие сообщества, которое пользуется наличием единой идентичности, онтологически опирается на существование ее заданных границ [6, с. 474–476]. Однако, с точки зрения психологии и социологии, такое развитие считается возможным лишь при наличии постоянной поддержки существующего единства.

Взаимосвязи, установленные в рамках определенного сообщества, должны сохраняться, если оно пытается поддержать собственное существование и развитие. Ведь границы, имеющиеся между определенным «Я» и его «Другими», не сохраняются благодаря законам природы, будучи сконструированными исключительно на основе использования необходимого социального инструментария. Каждый коллектив пытается утвердить определенные атрибуты собственного «Я» как несомненные, обеспечив их конструирование на основе предоставления таким атрибутам характеристик естественности, рациональности или священности. Только благодаря этому можно избежать дальнейшего анализа первооснов формирования данных атрибутов [7, с. 78–85].

Помимо наличия перечисленных онтологических подходов к вопросу формирования идентичности, теоретизирование по данной проблематике не должно от-

брасывать и неопровержимые общественные изменения, которые присущи определенным социальным группам и индивидам и, как следствие, играют существенную роль в процессе формирования коллективной идентичности. В традиционных культурах идентичность индивида считается более-менее устоявшейся категорией, которая приобретает свое фиксированное значение в момент его рождения и находится в процессе дальнейшего развития на протяжении всей его жизни. В рамках современных обществ формирование идентичности, в основном, происходит на фоне налаживания социальных взаимодействий внутри так называемого «индивидуального домена» отдельного индивида. Ввиду наличия мультипликативного состава социальных групп современного типа, слабые групповые связи, существующие между их отдельными членами, становятся причиной вариативности индивидуальных и социальных идентичностей. По мнению Дж. Диленти, в процессе исследования феномена коллективной идентичности должны быть четко очерчены разграничения понятий коллективной идентичности группы и коллективной идентичности образования такого масштаба как нация [1, с. 130–131]. Ведь понятно, что эффект влияния принадлежности к определенной группе на конструирование идентичности отдельного индивида будет сравнительно ниже в случае больших размеров данного сообщества. Изменчивость индивидуальных идентичностей, в свою очередь, накладывает жесткий отпечаток на обоснованность их существования и дальнейшую стабилизацию уже сформированных конструктов. Поэтому коллективные идентичности не выступают в роли стабильных, перманентно существующих феноменов, постоянно трансформируясь под влиянием медиативных процессов их создания, реализуемых на основе коммуникативных интеракций между определенными существующими «Я» и их «Другими».

Процесс конструирования коллективной идентичности безапелляционно предусматривает необходимость налаживания контактной сети и дальнейшего взаимодействия с «Другими». Путем столкновения интересов групп достигается понимание обособленности последних и, соответственно, дальнейшее познание коллективом своего социального «Мь». По мнению Д. Кэмпбелла, логика существования идентичности требует дифференциации, которая имеет потенциал к трансформации в «инаковость» [8, с. 77–78]. С точки зрения исследователя, идентичность выступает необратимой характеристикой сущего, ведь ни один индивид или группа не способны существовать, избежав выработки идентификационных черт собственного «Я». Являясь неотъемлемой индивидуальной или коллективной чертой, идентичность не формируется под влиянием определенных природных факторов, ее создание не может быть «запланировано» в рамках отдельной внешнеполитической стратегии или продиктовано волей Бога. Идентичность выступает исключительно конститутивным феноменом, формирование которого происходит в рамках существования определенной дихотомии по отношению к отличию. Однако, последнее также не может быть сконструировано под влиянием определенных природных факторов, произведено в рамках отдельной внешнеполитической стратегии или продиктовано волей Бога. Отличие конституируется лишь пу-

тем его соотношения с идентичностью актора. Проблема взаимозависимости процесса выстраивания идентичности и отличий не содержит каких-либо положений, которые считались бы первичными или внешними по отношению к данному процессу. В любом случае, идентичность актора выступает перформативно сконструированным феноменом, формирование которого происходит путем четкого определения границ «демаркации» собственного «Я» актора и его «Других», то есть разграничения ареала его существования на сферы «внутреннего» и «внешнего», «национального» и «международного».

По мнению Дж. Батлер, линии отграничения «Я» отдельного актора, которые определяют внутреннюю и внешнюю сферы его функционирования, «четко удерживаются» благодаря трансформации элементов, которые первично выступали частью идентичности данного актора, в «соотнесенную «инаковость» [9, с. 88]. Однако, с точки зрения Б. Румелили, дискурсивная зависимость идентичности от дифференциации не обязательно требует установления отношений между отдельным «Я» и «Другим» на основе имеющейся «инаковости» [10, с. 30]. Ведь способ взаимодействия между «Я» и «Другим» может гарантировать защищенность идентичности данного «Я». «Другой» иногда позиционируется с точки зрения угроз, которые он может потенциально нести для «Я»-идентичности, что, в конце концов, может привести к возникновению конфликта между ними и, соответственно, легитимизации применения насилия в отношении «Другого». Как следствие, категории «Я» и «Другой» не являются фиксированными константами, поскольку в процессе своего становления коллективная идентичность может иногда приобретать признаки «Другого». По мнению Б. Румелили, в конечном счете эволюционное развитие коллективных идентичностей может привести к конструированию «Другого» скорее как «менее значимого» актора, а не определенного «анти-Я» [10, с. 32–36], что предусматривает приобретение последним преимуществ над «Другим».

Налаживание интеракций между «Я» и «Другими» базируется на инклюзивной или эксклюзивной природе «Я», поскольку в обоих случаях идентичность последнего является социально сконструированной. В случае осуществления дифференциации на основе «неотъемлемых характеристик», конструирование «Другого» приобретает признаки постоянного различия. С другой стороны, при дифференциации «Я» и «Другого» в зависимости от определенных «приобретенных черт», на практике всегда остается вероятностный люфт уподобления «Другого» конкретному «Я», который придает процессу конструирования «Другого» характеристики временной «инаковости». Уровень взаимодействия между «Я» и «Другим» корректируется на основе реакции последнего на процесс конструирования его идентичности, которая может варьироваться в пределах от абсолютного признания данного процесса до его полного отторжения. Признание «Другим» сконструированной для него же идентичности гарантирует, собственно, безопасность идентичности «Я», ведь дискурсы идентичности «Другого» способствуют постоянному воспроизведению имеющейся «Я»-идентичности. Напротив, сопротивление «Другого» в процессе конструирования его же идентичности представляет угрозу

идентичности «Я» актора, заставляя его четко выделять отличия «Другого». При конструировании идентичности инклюзивного типа (например, демократической идентичности социума), признание последней со стороны «Другого» приводит к утверждению превосходства позиции «Я» и целевого поворота деятельности «Другого» в направлении уподобления с конкретным «Я». В данном случае государство, которое пользуется недемократической идентичностью, может признать превосходство любой из демократий и, как следствие, переориентировать свое развитие, основываясь на модели демократического государства. Данный тип реакции защищает «Я»-идентичность демократического государства. Однако если «Другой» подвергает сомнению статус демократической системы как желаемого набора норм и правил или претендует на наличие такого же демократического уровня развития, его реакция может стать вызовом идентичности «Я» как таковой. При наличии эксклюзивных идентичностей, признание заключается в подтверждении обособленности «Другого» и понимании невозможности его уподобления с конкретным «Я». Признание помогает определить четкие разграничительные линии между конкретным «Я» и «Другим», однако наличие сопротивления «Другого» может угрожать идентичности «Я» путем размывания границы между ними. Соответственно, вовлекаясь в процессы международного взаимодействия, государства защищают собственные идентичности посредством их ассоциирования или отграничения от идентичностей других государств. Они взаимодействуют при наличии общих интересов, подчеркивая их принадлежность к сообществу одного типа. Такое ассоциирование отличается от процесса кооперации, поскольку требует наличия чувства принадлежности к единому социуму, необходимого для сотрудничества между государствами. По мнению Б. Румелили, наличие инклюзивных идентичностей позволяет осуществлять ассоциирование «Я» и «Другого» [10, с. 37–38]. Данный процесс предусматривает возможность возникновения хотя бы желания «Другого» к уподоблению с «Я», что дает последнему право задействовать имеющиеся институциональные средства, с помощью которых может быть осуществлено определенное влияние на идентичность «Другого». Такой подход обеспечивает наличие связи между «Я» и «Другим», которая в своей основе не содержит восприятия «Другого» в качестве угрозы существованию идентичности «Я». Однако, с другой стороны, эксклюзивные идентичности помогают сконструировать отличия «Другого» на основе его неотъемлемых характеристик, обеспечивают возможность отграничения «Я»-идентичности от идентичности «Другого». Это приводит к выстраиванию четких разграничительных линий между идентичностями «Я» и «Другого», вследствие существования которых «Другой» никогда не сможет быть уподоблен к «Я» [10, с. 38–39].

Процесс формирования коллективных идентичностей не всегда сводится к вопросу дифференциации групп, ведь также может происходить путем ликвидации существующих различий благодаря механизмам «внутренней гомогенизации» [11, с. 146]. В принципе, на практике данное предположение может быть легко опровергнуто: европейские монархии по своей

природе были довольно гомогенными, однако в течение веков участвовали в затяжных конфликтах, не отходя от данной линии поведения до усиления активности внутригосударственных революционных движений, которые, неся угрозу существованию государств, стали толчком к превращению существующей гомогенности в первооснову для коллективных действий в рамках европейского «Концерта наций». Государства социалистического лагеря получили толчок для собственного развития при отсутствии советской гегемонии и, как следствие, необходимости корректировать свою политику с требованиями СССР. Несмотря на использование одного языка, наличия общей религии и пан-арабской идеологии, государства мусульманского мира не могут опереться на единство взглядов при реализации своих внешнеполитических курсов, особенно со времен консолидации территорий и получения государственного суверенитета в середине XX века. Хотя, ошибочным является и абсолютное игнорирование гомогенности группы как одного из факторов, влияющих на формирование ее коллективной идентичности. Даже если теоретически можно допустить существование сообщества, одной из характеристик которого является значительное разнообразие его составляющих, на практике последние, все равно, потребуют достижения определенного консенсуса относительно использования ценностей и развития институциональных механизмов. При тождественности других признаков, гомогенность выступает тем фактором, который позволяет быстрее достичь консенсуса, минимизируя вероятность возникновения конфликта и увеличивая способность к распознаванию принадлежности собственного «Я» и «Других» к одной и той же социальной группе. Другие признаки, конечно же, могут отличаться, однако этот факт не умаляет их значения при выработке коллективной идентичности актора, ведь они могут потенциально принадлежать к различным типам причинных механизмов [2, с. 357]. То есть, определенная степень гомогенности (которая может иметь как реальный, так и воображаемый характер) считается обязательной для выработки ощущения наличия сообщества, необходимого для существования последнего. Однако данная гомогенность не должна сводиться к культурной однородности, ведь коллективная идентичность определенной группы может выстраиваться и на основе общего опыта политической деятельности (например, наличия общего гражданства) [12, с. 85]. Так, существование единой институциональной сети, одинаковых прав и обязанностей гражданина отдельного государства могут стать основой для выстраивания коллективной идентичности. Ее конструирование намного упрощается в случае сходства или взаимной совместимости конститутивных элементов сообщества. Коллективные политические идентичности могут иметь в своей основе общие интересы, цели и конкретные проекты, реализация которых обеспечивается определяющим «Мы»-ощущением общей судьбы [13, с. 77]. То есть, коллективная идентичность также может быть сконструирована при наличии единой цели по достижению высокого уровня развития и, как следствие, общего видения будущего данной группы.

Доказанность и подлинность социально сконструированного разграничения между внешним и внутрен-

ним ареалами существования групп требуют обязательной кодификации коллективных идентичностей, разработанной на основе определенного набора принципиально важных характеристик, необходимых для их выстраивания. На сегодняшний день существует ряд отдельных научных подходов к кодификации факторов формирования коллективной идентичности, среди которых выделяются:

- 1) примордиалистские коды – совокупность так называемых естественных характеристик, например, пол, генерация, родство, этничность и раса;
- 2) традиционалистские коды, которые базируются на факторах религии, традиций, быта и коллективной памяти;
- 3) функционалистские коды, охватывающие характеристики пространственной общности, единства интересов, гражданства и т. д.

Так, антисемитизм и расизм, присущие немецкому обществу накануне и в годы Второй мировой войны, являются яркими примерами исключительного применения на практике факторов примордиалистского кода. Утверждение «чистоты» «арийской расы» стало центральным пунктом выделения немецкой нации времен нацистского режима, ведь любое лицо, в жилах которого текла «неарийская» кровь, должно было быть обнаружено и в обязательном порядке классифицировано по признаку происхождения как представитель «Другого». Евреи заняли первую позицию в данном классификаторе, ведь считались носителями идентичности враждебного «Другого», который, обосновавшись на территории Германии, еще и эксплуатирует ее материальные блага, прибегая к организованной «конспирации» своих действий.

Система миллета (от турецкого *milla* – группа, община) времен Османской империи – политическое выделение правосубъектных групп, различавшихся на основе конфессиональной принадлежности, – может считаться примером практического применения традиционалистского кода, ведь религиозные верования, ритуалы и коллективная память, существующие среди членов миллетов, считались приоритетными для выделения их «немусульманской» идентичности.

Якобинизм, зародившийся во Франции в эпоху Просвещения, или присущий в настоящее время немецкой политической мысли романтизм являются проявлениями функционалистских факторов конструирования коллективных идентичностей. В рамках идеологии Великой французской революции (1789–1794 годы) и во время дальнейшего формирования принципов якобинизма такие общие ценности как свобода, равенство и братство стали первоосновой для выстраивания коллективной идентичности населения страны.

Однако, на современном этапе развития человечества кодификация коллективной идентичности производится путем комбинирования отдельных характеристик, присущих разным подходам к выделению специфических факторов формирования данного феномена (к примеру, использование США формулы выведения единой «американской нации», объединенной общей гражданской принадлежностью, историческим прошлым и религиозными убеждениями).

Соответственно, современный этап развития международных отношений и, как следствие, формирование внешнеполитических идентичностей государств приобретают все большее значение, поскольку конструирование «Я» акторов мировой политической арены позволяет им налаживать прямые контакты с определенными «Другими», тем самым занимая конкретную позицию в рамках современной системы международных отношений. Однако этот процесс напрямую зависит от внутреннего восприятия сформированного группового «Мы» со стороны отдельных индивидуумов, то есть, – существования определенной коллективной идентичности конкретного государства.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Delanty G. The Quest for European Identity. / G. Delanty // In E.O. Eriksen (ed.) Making the European Polity: Reflexive Integration in the EU. – New York: Routledge Pub., 2005. – P. 127–142.
2. Wendt A. Social Theory of International Politics. / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.
3. Hall S. Critical Dialogues in Cultural Studies. / S. Hall. – London: Routledge, 1996. – 522 p.
4. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. / P. Bourdieu. – Cambridge: Harvard University Press, 1999. – 302 p.
5. Said E. The Orientalism: Western Conceptions of the Orient. / E. Said. – London: Routledge, 1977. – 365 p.
6. Brewer M. B. The Social Self: On Being the Same and Different at the Same Time. / M.B. Brewer. // Personality and Social Psychology Bulletin, 1991. – № 17. – P. 474–482.
7. Douglas M. How Institutions Think. / M. Douglas. – New York: Syracuse University Press, 1986. – 146 p.
8. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. / D. Campbell. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. – 289 p.
9. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. / J. Butler. – London: Routledge, 1990. – 172 p.
10. Rumelili B. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of Differentiation. / B. Rumelili. // Review of International Studies, 2004. – Vol. 30. – P. 27–47.
11. Münch R. Nation and Citizenship in the Global age: From National to Transnational Ties and Identities. / R. Münch. – Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2001. – 247 p.
12. Marks G. Territorial Identities in the EU. / G. Marks. // In J. J. Anderson (ed.) Regional Integration and Democracy: Expanding on the European Experience. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield Pub., 1999. – P. 69–91.
13. Baykal S. Unity in Diversity? The Challenge of Diversity for the European Political Identity, Legitimacy and Democratic Governance: Turkey's EU Membership as the Ultimate Test Case. / S. Baykal. // Jean Monnet Working Paper. / New York University School of Law, 2005. – № 09/05. – P. 5–78.

**THEORETICAL BASIS OF FORMATION OF THE FOREIGN POLICY IDENTITY  
OF THE ACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS**

© 2014

*I.A. Tsyryfa*, Ph.D. in Political Science

*Institute of International Relations of Kyiv National Taras Shevchenko University, Kyiv (Ukraine)*

*Keywords:* foreign policy identity; collective identity; identity construction; formation of the identity of the actor of international relations; actors differentiation; distinction of Self and Other identities.

*Annotation:* The formation of the foreign policy identity of the actors of international relations is a key element in the process of establishing interactions of the actors' Selves with certain Others and their mutual perception. As the construction of the actor's identity directly depends on the demarcation between its Self and the external Other, the variability and transparency of established boundaries during the process of communication are determined with the degree of differentiation between the Self and the Others, the internal homogenization of the actors' societies, as well as with the perception of differences existing between actors.